

Глава 43 - Несокрушимый.

После трех чашек Сяо Юй поставил свой стакан и начал есть. Кто-то поскребся за дверью, но поскольку было темно, Сяо Юй еле разглядел, что это зять Мэн Хуна, Фу Ван, поэтому он перестал есть и спросил: "Что-то не так, Фу Ван?".

Фу Ван стоял за дверью с бокалом вина в руке и с улыбкой сказал: "Сегодня канун Нового года, и поскольку вы сжалились над нами и наградили нас, мы все хотели прийти, поблагодарить вас за вашу доброту и произнести тост".

Сяо Юй улыбнулся и сказал: "Входите".

Фу Ван вошел, за ним последовали еще несколько рабочих из фарфоровой мастерской, все они держали в руках вино в бокалах, сделанных в их собственных печах, и произносили тост за Сяо Юя: "Пусть у вас будет долгая и здоровая жизнь!".

Сяо Юй с улыбкой поднял свой бокал: "Спасибо всем за вашу любовь и тяжелую работу!".

Так что все выпили еще раз.

Сяо Юй не ожидал, что это будет только начало, но после того, как мастерская керамики поздравила его, пришел У Синъи с работниками бумажной мастерской. Хотя семья У переехала обратно в свой дом, жена У и дочь У по-прежнему помогали на кухне, и семья праздновали здесь свой новогодний ужин.

После того, как работники бумажной мастерской закончили тост и ушли, старший сын семьи У остался на месте, краснея и улыбаясь, и немного заикаясь, сказал: "Я женюсь на восьмой день первого месяца, и я надеюсь, что вы сможете прийти".

Сяо Юй обрадовался, услышав это: "Правда? Тогда поздравляю жениха! Это первый брак в нашей семье. Я обязательно приду".

Он жил в деревне Байша уже больше года, и в деревне были свадьбы и похороны, но все они были у людей, которых он не очень хорошо знал, поэтому теперь, когда кто-то из его знакомых наконец-то женился, это было большим событием.

Когда Да Ланг вышел, человек, отвечающий за печь для обжига кирпича, поднял тост, и в конце концов даже женщины на кухне, старики, выполнявшие работу по дому, и дети - все пришли поднять тост за Сяо Юя. В любом случае, вина в доме было предостаточно.

Клейкое рисовое вино было очень слабым по крепости, но его все равно нельзя было много пить, поэтому после нескольких бокалов Сяо Юй уже был пьян.

В этот момент Мин Чон также поднял свой бокал: "Ланьцзюнь, от имени команды я хотел бы поднять тост за вас, и пожелать вам удачи и процветания в наступающем году!".

Пэй Линьчжи посмотрел на Мин Чона и сказал: "Нашему господину уже достаточно, позвольте мне выпить от его имени".

Мин Чон посмотрел на Пэйя Линьчжи и сказал Сяо Юю: "То, что ты не хочешь пить за мой тост, означает, что я тебе не нравлюсь?".

Сяо Юй посмотрел на Мин Чона пьяными глазами и рассмеялся: "Нет, я выпью. Я впервые слышу, как Мин Чон называет меня "Ланцзюнь", поэтому я чувствую себя намного ближе к тебе".

Сяо Юй поставил бокал с вином и встал, опираясь на стол, готовый выйти и набрать воды, но как только он встал и сделал шаг, он резко повалился, и его нога зацепилась за ножку стола.

Пэй Линьчжи и Мин Чон, стоявшие по обе стороны от него, бросили свои бокалы и одновременно вскочили на ноги, помогая ему подняться и крича в унисон: "Господин!".

Сяо Юю помогли подняться двое мужчин, и он хихикнул: "Спасибо, спасибо! Я в порядке, пойду и переоденусь".

Пэй Линьчжи посмотрел на Мин Чона: "Сиди Мин Чон, я помогу господину".

Мин Чон посмотрел на него: "Я тоже пойду и помогу".

Пэй Линьчжи нахмурил брови и смертельно уставился на Мин Чона. Сяо Юй не заметил изменения в атмосфере, поэтому он вырвал свои руки из рук двух мужчин: "Нет, нет, я пойду один, а вы продолжайте есть".

Ни Пэй Линьчжи, ни Мин Чон не вернулись на свои места, и они вдвоем вывели Сяо Юя из зала до пристройки.

Хотя Сяо Юй больше не мог идти прямо, его рот все еще кричал: "Я уже сказал, что мне не нужно, чтобы вы сопровождали меня, я просто пойду один",- сказал он и зевнул.

Пэй Линьчжи нахмурился: "Ты слишком много выпил, ты не ел, пить на пустой желудок вредно для здоровья".

Сяо Юй икнул и махнул рукой: "Я делаю это время от времени, это не имеет значения. Я знаю, что пить на пустой желудок нехорошо, это вредит желудку и печени, ты не должен так пить".

Дойдя до входа в особняк, Пэй Линьчжи вдруг вспомнил что-то и развернулся, чтобы побежать к старому особняку. Мин Чон взглянул на другого мужчину и помог Сяо Юю переступить порог: "Ланьцзюнь осторожно, порог".

Сяо Юй поднял ногу и шагнул внутрь, и когда он достиг двери пристройки, позади него раздался голос Пэйя Линьчжи: "Подождите немного, господин, пока я поставлю факел".

Сяо Юй обернулся и нахально улыбнулся: "Это все еще Линьчжи, который обо всем подумал".

Мин Чон посмотрел на Пэйя Линьчжи, который держал факел, поднял брови, ничего не сказал и сделал шаг назад, чтобы пропустить его.

Когда Пэй Линьчжи закончил вставлять факел и удалился, Мин Чон понизил голос и сказал: "Ты действительно хорошо заботишься о Ланьцзюне".

"Это моя работа, не беспокойся. Ты знаешь, что Ланьцзюнь пьян, так почему ты все еще пьешь с ним?",- Пэй Линьчжи был не высокого мнения о Мин Чоне.

Мин Чон сказал: "Я поднял тост из уважения к нему. Ты не имеешь права принимать этот напиток от его имени".

Пэй Линьчжи холодно сказал: "Ты заботишься только о своих собственных чувствах, тебе нет дела до его жизни и смерти".

"Ты .....",- Мин Чон потерял дар речи от его слов.

Сяо Юй закончил умываться в хорошо освещенной пристройке, и когда он вышел, Пэй Линьчжи и Мин Чон стояли отвернувшись, игнорируя друг от друга.

Сяо Юй сказал: "Вы хотите воспользоваться пристройкой? Я вышел, вы, ребята, можете использовать ее".

Пэй Линьчжи налил Сяо Юю воды, чтобы он вымыл руки, и сказал: "Мин Чон, когда закончишь, не забудь забрать факел. Мы вернемся первыми".

Мин Чон ничего не сказал и с суровым лицом вошел в пристройку, закрыв за собой дверь.

Этот обед был самым роскошным из всех, которые Лай Пинчуань ел с тех пор, как покинул Юэчжоу. Такой еды не ели уже давно, даже в резиденции князя Юэ. Поскольку князь сочувствовал жителям Юэчжоу, он попросил свою семью экономить, чтобы разделить тяготы жителей Юэчжоу, и каждый прием пищи состоял только из одного блюда мяса и одного с овощами.

А изгнанник в Ячжоу, жил в изобилии и сытно. Тот факт, что подчиненные в его доме с такой искренностью пришли поднять за него тост, показывает, что он завоевал сердца людей и неплохо себя чувствует здесь.

Слухи о том, что он «обрезанный рукав», похоже, правдивы, но лорд Пей - не единственный, кому отдается предпочтение.

Если бы маленький принц был отправлен сюда, Великий князь, у которого не будет наследника, был бы добр к сироте, оставшемуся без отца, и наверняка относился бы к племяннику, как к собственному сыну.

Хотя разлука плоти и крови была болезненной, это было лучшее, что могло случиться с маленьким принцем. Просто Великий князь еще не смирился и не желал принимать маленького принца.

Из-за Нового года Сяо Юй дал всем несколько выходных, и после целого года напряженной работы настало время передохнуть.

Лай Пинчуань провел здесь два дня, посещая различные мастерские. Он был впечатлен мастерством Великого Князя, который начал все своими руками и смог сколотить состояние в Ячжоу.

Но теперь, когда и князь Лян, и князь Юй набирают войска и лошадей для гарнизона границы, столица, вероятно, слишком занята, чтобы заботиться о Ячжоу, поэтому Великий Князь был пока в безопасности.

Лай Пинчуань вскоре уехал, стремясь вернуться, чтобы отчитаться перед своим господином, и надеясь вернуться вовремя, чтобы успеть сделать необходимые приготовления до выхода императорского указа.

До самого отъезда Сяо Юй не ослабевал в своем нежелании принять сына князя Юэ, и лишь передал тому письмо, в котором объяснил, что лютая жара Ячжоу и отсутствие лекарств не способствуют росту маленьких детей, что было расценено как отказ.

Он усыновил так много детей, потому что они были бездомными, без отца и матери, и это уже было лучшим местом для них. Он не мог гарантировать, что они вырастут в безопасности и благополучии, но он определенно сделает все возможное, чтобы позаботиться обо всех жизнях.

Но если Сяо Инь отправит сюда своего единственного сына-младенца, он не уверен, что сможет вырастить этого ребенка, которого так балуют и хорошо кормят, да еще в лютой жаре Ячжоу, окруженного всевозможными комарами и вредителями.

Если бы ребенок умер преждевременно, как бы он смог объяснить это другим, и ему пришлось

бы жить с чувством вины и самобичевания до конца жизни.

После отъезда Лай Пинчуаня, различные мастерские семьи возобновили работу с полной отдачей, и перед отплытием Мин Чона в море нужно было подготовить все необходимое, включая фарфор, бумагу, чай, железо, оружие и второй корабль.

На самом деле, лучшее время года для поездки в Южные моря - это зима. Поскольку муссон идет с севера на юг, судно может двигаться вниз по течению и использовать преимущества ветра, что не только быстрее, но и безопаснее, поскольку зимой ураганов меньше.

Лучшее время для обратного путешествия - это, конечно, весна, когда ветер уже сменился, с южного на северный, и лодки могут путешествовать с меньшими усилиями и меньшим количеством ураганов.

Сяо Юй обсудил маршрут с седьмым мастером Доу и Мин Чоном и высказал опасение, что если он поплывет по морю и попадет в ураган, то существует огромный риск.

Седьмой мастер погладил свою бороду и сказал: "Это, правда, что летом и осенью бывает много ураганов, но есть способ уменьшить риск, следуя вдоль береговой линии.

С этим был согласен и Сяо Юй. Самым важным в этой поездке было не зарабатывание денег, а поиск семян, саженцев и корней различных овощей, фруктов, зерновых и других культур со всего мира, чтобы улучшить уровень жизни людей.

"Что думает Мин Чон?", спросил Сяо Юй.

Мин Чон сказал: "Я дошел только до Чжаньчэна, поэтому мне еще предстоит послушать Седьмого Мастера".

Сяо Юй сказал: "Тогда я рассчитываю на вас двоих. В этот раз, обмен экзотическими сокровищами будет второстепенным, я хотел бы, чтобы вы двое попытались помочь мне собрать некоторые вещи".

"Ланьцзюнь, просто отдай приказ", - сказал Мин Чон.

Сяо Юй составил список всех культур, о которых он только мог подумать, в первую очередь собирая семена зерновых со всего мира, а также семена овощей, льна и хлопка - все они решали проблему пропитания и одежды людей и, очевидно, были более значимыми, чем слоновая кость или рог носорога.

Конечно, было бы неплохо иметь возможность обменивать их на золото и серебро. Оно вообще не нуждается в судебной эмиссии, они обладают естественной покупательной способностью.

Выслушав список товаров, перечисленных Сяо Юем, Мин Чон и Седьмой мастер посмотрели друг на друга, это так отличалось от целей плавания других торговцев.

Когда другие люди отправлялись за границу, они искали всевозможные экзотические предметы, такие как ювелирные изделия, черепаховый панцирь, слоновую кость, коровьи рога и т.д. Если бы они могли привезти живых существ, таких как мифические звери, птицы, носороги и слоны, это было бы настоящим бонусом.

Но Сяо Юй хотел только эти незначительные и бесполезные предметы.

Мастер Ду Ци сказал: "Разве Ланьцзюнь не боится, что предметы, которые он привезет не ценные?".

"Так ли это?,"- Сяо Юй улыбнулся: "Я не прошу вас обменять это, я сказал, что вы также можете обменять это на золото, серебро и драгоценности. Я имею в виду, это основные моменты, на этот раз нужно убедиться, что вы привезли больше семян, саженцев и корнеплодов для меня. Украшения - это лишнее, только когда люди хорошо накормлены и одеты, у них будет свободная энергия, чтобы заботиться об этих предметах роскоши."

Мастер Доу Ци улыбнулся и сказал: "Ланьцзюнь все еще беспокоится о том, что ему не хватает еды?"

Сяо Юй улыбнулся: "Я хорошо питаюсь, но есть еще так много людей, которые плохо питаются. Я не знаю, сколько людей умерло от голода и замерзло до смерти на северной земле в прошлом году".

Мин Чон бросил на него глубокий взгляд: "Я понимаю, что вы имеете в виду".

Сяо Юй поднял руку и похлопал Мин Чона по плечу: "Тогда я благодарен тебе, Мин Чон".

На восьмой день первого месяца старший сын семьи У женился на дальней родственнице своего дяди по материнской линии. К счастью для старшего сына, он познакомился с невестой еще в детстве, и это был не совсем слепой брак.

Сяо Юй любопытно наблюдал, как проходят свадьбы в эту эпоху, и выяснил, что невесту вносили в дом в сумерках, неудивительно, что это называлось свадьбой. Невеста не покрывала голову и не надевала красное свадебное платье, так как красная краска была дефицитом и недоступна для простых людей.

Невеста неплохо выглядела, с приличными чертами лица и довольно застенчивая.

Сяо Юй отправился наблюдать за церемонией и передал приготовленный им подарок - набор железной посуды, который был самым практичным и чрезвычайно дорогим приобретением,

экономив новоиспеченной семье У большое количество денег. Кроме того, он подарил им пятьсот вэнь на свадьбу.

Семья У приготовила банкет и пригласила друзей и родственников, по одному представителю от каждой семьи в деревне.

Впервые Сяо Юй смог съесть на банкете в чужом доме, и это было так просто, без необходимости готовить самому.

Жена семьи У научилась делать вино у Сяо Юя и приготовила два кувшина клейкого рисового вина для свадебного пира, который был приличным - с вином и мясом.

У Синьи потянул Сяо Юя за собой и поднял тост, выражая ему свою благодарность, а затем разрыдался. Без помощи Сяо Юя семья не смогла бы жить так, как живет сейчас.

У Синьи ничего не сказал, но, выпив в этот момент много вина, он поклялся, что будет «лошадью» Сяо Юя до конца своих дней.

Поведение У Синьи не смутило Сяо Юя, а скорее разжалобило, ведь спокойный старый отец мог перепить от радости, когда его сын создавал семью.

Он не мог не думать о своих родителях, которых он больше никогда не увидит, которые так гордились им, но что они делали сейчас?

Сяо Юй был так опечален, что выпил еще несколько бокалов вина, чтобы утопить свою печаль, но его печаль стала лишь еще сильнее. Пэй Линьчжи первым заметил, что с ним что-то не так, поэтому поспешил к нему и схватил его бокал с вином: "Ты не должен больше пить, это вредит желудку и печени".

Сяо Юй посмотрел на Пэйя Линьчжи и вздохнул: "Линьчжи, давай вернемся домой".

Пэй Линьчжи кивнул, помог ему подняться и вывел его из дома У.

Шум позади них стих, и вокруг наступила темнота. Жители деревни экономили масло, и очень немногие зажигали лампы по ночам. Только изогнутый полумесяц висел в ночном небе, посылая слабое сияние, дул ночной ветерок, и Сяо Юй задрожал.

Пэй Линьчжи заметил это в секунду: "Господину холодно? Я понесу тебя",- он полуприсел перед Сяо Юем.

Сяо Юй не стал отказываться и забрался на него: "Только что был порыв ветра, поэтому я немного замерз, но не сейчас",- спина Пэйя Линьчжи была теплой, прижимаясь к его груди и

рассеивая холод зимней ночи.

"Тоскует ли Линьчжи по дому?",- Сяо Юй обхватил шею Пэйя Линьчжи и прижался лицом к его голове, глядя вверх на изогнутый месяц, вдруг вспомнив, что "луна везде выглядит одинаково".

Пэй Линьчжи спросил: "Вы тоскуете по дому?".

"Я думаю о своей матери",- Сяо Юй на мгновение задумался и не сказал "отец", его отец не был тем, кого знал Пэй Линьчжи, и он не испытывал никаких чувств к императору.

"Ваша мать относилась к Ланьцзюню очень хорошо, только немного холодновато".

"Ну, я знаю, что она делала это для моего же блага",- его настоящая мать тоже была строгой, разница была в том, что его отец был любящим отцом, но он мог скучать по нему только в своем сердце, и чем больше он думал об этом, тем больше слез наворачивалось на глаза.

Пэй Линьчжи почувствовал, как на его шею капнуло несколько теплых капель, и это, как будто поставило клеймо на его сердце, Его Высочество плакал, его сердце болело: "Ланьцзюнь, Ланьцзюнь, не грусти, я всегда буду с тобой",- впервые с момента их приезда в Ячжоу он увидел Его Высочество в слезах.

Сяо Юй фыркнул и вытер слезы: "Прости, я потерял самообладание". Возможно, из-за выпитого вина он стал уязвимым.

"Тебе не нужно извиняться, если ты хочешь плакать, то плачь, сколько хочешь",- сказал Пэй Линьчжи.

Сяо Юй сказал: "Сегодня, когда Да Ланг женился, его отец У Синьи был так счастлив, что был бессвязен, и я вдруг подумал о моей матери".

Тело Пэйя Линьчжи на мгновение напряглось, и он сказал без особых эмоций: "Если бы не этот несчастный случай, вы женились бы в этом году. На Ду Линлан, внучке премьер-министра и самой талантливой девушке династии".

Сяо Юй был немного смущен, что они заговорили об этом: "Давай не будем об этом. К счастью, я не вмешал ее во все это".

"Премьер-министр Ду был чиновником и другом с великим генералом в течение многих лет, но когда что-то случилось с великим генералом, он даже не произнес ни слова в его защиту...",- Пэй Линьчжи по-прежнему говорил об этом вопросе с ненавистью.

Сяо Юй вздохнул: "Это очень важное дело, и он очень влиятельный человек, поэтому вполне естественно, что он должен хотел защитить себя". Любой проникательный человек мог видеть, что император хотел уничтожить семью Чжоу, и это ничего не изменило бы.

Пэй Линьчжи с горечью сказал: "Я знаю, что у тебя все еще есть чувства к деве Ду".

Сяо Юй потер свой лоб: "Ничего подобного. Я даже не знаю, как выглядит эта девушка, так что какая у меня любовь? Император был намерен сместить моего деда, и это не то, что могут изменить посторонние. Если бы премьер-министр Ду ходатайствовал от его имени, то потерял бы свою репутацию, что, в конце концов, можно было сделать?"

Пэй Линьчжи сказал сквозь стиснутые зубы: "Дворянин многое что мог сделать. Счастье, что Ланьцзюнь не женился на его внучке".

"Да, лучше не жениться",- он никогда бы не женился на женщине, которую даже не встречал, его лицо прижалось к шее Пэйя Линьчжи: "Не каждый готов отказаться от славы и богатства, чтобы сопровождать меня в Ячжоу, в этой жизни я несу ответственность только за тебя, Линьчжи. Я ничего не должен всему миру".

Грудь Пэйя Линьчжи чуть не взорвалась, он хотел взять человека на спине в свои объятия и яростно втереться в его тело: "Линьчжи готов сопровождать тебя на край света и море пламени, и это никогда не изменится в этой жизни".

Сяо Юй на мгновение задумался, почему это похоже на клятву любви?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300241>